

УДК 94(571.1/5)"1918-1919"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/57/6

ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУСИНОВ В СИБИРИ И ВЛАСТЬ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ (1918–1919 гг.)*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова², В.И. Зиновьева³

^{1,2} Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: namirina@bk.ru

² E-mail: tomnin@yandex.ru

³ Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

В годы Первой мировой войны на территории Сибири в концентрационных лагерях были сосредоточены военнопленные, представлявшие разные государства и народы. Временное Сибирское правительство, Комуч и Российское правительство А.В. Колчака продолжили проведение политики «этнизации» плена и деления военнопленных на «дружественных» (славяне и др.) и «враждебных» (немцы, мадьяры и др.), проводившейся российскими властями с начала войны. Военнопленные славянского и романского происхождения сосредоточивались в особых национальных лагерях с правом поступления в национальные армии. Национальные организации, однако, не ограничивались формированием воинских частей, а брали на себя широкие консульские функции представительства интересов не только военнопленных, но и беженцев, и крестьян-переселенцев. Это влекло за собой возникновение конфликтов среди военнопленных в силу различий в их государственной и национально-политической идентификации. Шла борьба за право представлять интересы уроженцев Прикарпатской Руси между Центральным Карпаторусским советом (ЦКС), который ориентировался на Россию и поэтому поддерживался колчаковской администрацией, и омским отделением Галицко-Буковинского комитета помощи жертвам

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы по-вышения конкурентоспособности ТГУ.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

войны, который оказывал помощь пленным из Галичины и Буковины и занимался формированием украинских воинских частей. В итоге Галицко-Буковинский комитет был закрыт, а ЦКС предоставлено «исключительное право» производить регистрацию уроженцев Прикарпатской Руси. Они получили также возможность формировать воинские части в армии Колчака и представлять интересы карпаторусов на Парижской конференции. Результатом политики «этнизации» плена и разделения военнопленных на «враждебные» и «дружественные» стал раскол в рядах пленных. Это не укрепило единство антибольшевистского фронта, а, напротив, ослабило возможность достижения стратегической цели российских правительств – победы над большевизмом и воссоздание единой и неделимой России.

Ключевые слова: карпаторусы, русины, буковинцы, украинцы, Прикарпатская Русь, Сибирь, Центральный Карпаторусский совет, Галицко-Буковинский комитет помощи жертвам войны.

ORGANISATIONS OF RUSINIAN PRISONERS OF WAR IN SIBERIA AND AUTHORITY: A CONFLICT OF INTERESTS (1918–1919)*

I.V. Nam¹, N.I. Naumova², V.I. Zinovieva³

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: namirina@bk.ru

² E-mail: tomnin@yandex.ru

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

During WWI, prisoners of war representing different states and nations were held in concentration camps in Siberia. The Provisional Siberian Government, Komuch (The Committee of Members of the Constituent Assembly) and the Russian Government of A.V. Kolchak applied the principle of “ethnicization” and were dividing the prisoners of war into “allied” (Slavs and others) and “hostile” (Germans, Magyars, etc.), following

*The research paper is part of a research project supported by the TSU Competitiveness Enhancement Program.

The research was carried out as part of the state assignment of educational organisations subordinate to the Ministry of Education and Science under the project “Theoretical and methodological foundations and interdisciplinary approaches in the formation of the ethnosocial inclusive educational space of a university” (Nr. 28.8279.2017 / 8.9).

the policy pursued by Russian authorities since the beginning of the war. The Slavic and Romanesque prisoners of war were held in special national camps with the right to enter national armies. However, national organisations not only formed military units, but also excersised the consular functions to represent prisoners of war, refugees and displaced peasants, which entailed conflicts among prisoners of war due to their different state and national-political identification. There was a struggle for the right to represent the interests of the natives of Subcarpathian Rus between the Central Carpathians Council (CCC), which aligned with Russia and therefore was supported by the Kolchak administration, and, on the other hand, the Omsk Branch of the Galician-Bukovinian Committee of Assisting War Victims, which assisted to the prisoners of war from Galicia and Bukovina and formed Ukrainian military units. As a result, the Galician-Bukovinian Committee was disbanded, while the CCC was granted the “exclusive right” to register the natives of Subcarpathian Rus. They could also form military units for the Kolchak army and represent the interests of Carpathians at the Paris Conference. Thus, the policy of “ethnization” and division of prisoners of war into “hostile” and “allied” resulted in a split among the prisoners of war and undermined the unity of Anti-Bolshevik front and decreased the chances to achieve the strategic goal of the Russian governments, which was the victory over Bolshevism and re-establishment of the one and undivided Russia.

Keywords: Carpathians, Rusins, Bukovina, Ukrainians, Subcarpathian Rus, Siberia, Central Carpathians Council, Galician-Bukovinian Committee for Assisting War Victims.

В годы гражданской войны в России на территории Сибири в концентрационных лагерях были сосредоточены сотни тысяч военнопленных, представлявших разные государства (Австро-Венгрия, Германия, Турция) и народы (славяне, немцы, турки). Всего по Сибири и Уралу было расквартировано около 150 тыс. чел. (Суржикова 2013: 80). В их числе были десятки тысяч галичан и буковинцев – военнослужащих Золочевского, Перемышльского, Самборского, Коломыйского, Черновецкого, Ярославского, Львовского, Чортковского, Тернопольского, Бережанского, Стрыйского и других полков ландвера австро-венгерской армии (Карабин 2018: 36–37). Представляя собой столь пестрый по этническому составу конгломерат людей, военнопленные не составляли даже самой «хрупкой целостности». Свое отношение к войне и свою роль в ней они оценивали по-разному. Обособляясь по этническому, языковому и конфессиональному признаку, пленные пытались тем самым спастись от кризиса идентичности, неизбежного в ситуации чужой культуры, в которой они оказались (Суржикова 2011: 118, 120).

Свою роль в «этнизацию» плена внесли российские власти, политика которых в отношении военнопленных разных национальностей

с самого начала войны была дифференцированной, определяясь геополитическими и военными целями и задачами. Пленные разделялись на «дружественных» (славян) и враждебных (немцы, турки, венгры), которые считались проводниками антироссийской политики своих правительств, и поэтому отношение к ним было настороженным. К пленным славянам, выходцам из Австро-Венгрии, отношение было доброжелательным с расчетом на их политические симпатии и лояльность. Для них создавались более благоприятные бытовые условия. Поощрялось формирование общественных организаций, которые вели в нужном для власти направлении пропагандистскую работу среди военнопленных славян – распространяли идеи общеславянского единства под эгидой России.

Так, министр внутренних дел Н.А. Маклаков в октябре 1914 г. утвердил «Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах» с целью «покоренных мечем славян завоевать духовно», превратить их «в убежденных сторонников и проповедников общеславянского единства» (Еремин 2007а: 262). Для этого предполагалось вести «культурно-просветительские занятия с военнопленными в интересах русского государства», организовать их обучение русскому языку, нуждавшимся оказывать материальную помощь. Эти меры должны были, с точки зрения властей, создавать положительный образ России, чтобы она ассоциировалась в их сознании со второй этнической родиной, собирательницей всех славянских народов «под своим заботливым крылом» (Еремин 2007b: 20–21).

Летом 1915 г. по военным округам России «для точного и неуклонного исполнения» была разослана записка «По делу военнопленных славян», в которой выражались серьезные опасения, что при существующих неблагоприятных условиях содержания военнопленные славяне, «сдавшиеся по большей части в плен из любви к России, сознательно возвратятся на родину русофобами». Поэтому дело нужно организовать так, чтобы «сохранить не только существующие уже симпатии военнопленных славян к России, но и развить их среди сотен тысяч южных и западных славян, которые по тем или другим причинам относились до сих пор равнодушно или недружелюбно к России». «Было бы грешно не использовать возможности воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей. Если дело будет поставлено правильно, то эти сотни тысяч военнопленных славян возвратятся после окончания войны на родину... не сеятелями вражды к России, но проповедниками любви к России, распространителями русского языка, русской культуры и русского мировоззрения» (Суржикова 2011: 122). Воспитать пленных славян в желательном для России духе решили, оградив их «от враждебного и крайне оскор-

бительного отношения к ним немцев и венгров». С сентября 1915 г. славяне и иные «дружественные» пленные подлежали размещению в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, в то время как немцы, венгры, а затем и турки, включая увечных, выслались в «дальние округа Сибири» – Иркутский и Приамурский (Суржикова 2011: 122–123).

Еще одно направление политики российских властей по отношению к неприятельским солдатам и офицерам – «этнизация» плена, выражением которой было формирование в составе Русской императорской армии национальных частей, насчитывавших к концу 1917 г. десятки тысяч человек, включая пленных. С осени 1915 г. военный плен превратился в главный резерв их формирования, а «распропагандирование» пленных стало одним из приоритетных задач военного ведомства (Суржикова 2011: 120–121).

Использование панславянских идей в условиях мирового вооруженного конфликта было вполне логичным в целях упрочения про-российских настроений. Однако на практике осуществить деление массы австро-венгерских солдат на славян и неславян было очень трудно, потому что венгерские словаки и румыны могли называть себя и венграми, и русинами, а поляки и словенцы – австрийцами (Нахтигаль 2014: 148–149).

Одной из важнейших целей антибольшевистских правительств – Временного Сибирского правительства (ВСП), Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), Уфимской Директории и Российского правительства А.В. Колчака – являлась борьба за восстановление единства России, в контексте которой колчаковское правительство рассматривало и включение Галицкой, Угорской Руси и Буковины¹, где проживали румыны, немцы, русины², в состав России, завершив тем самым «собрание русских земель». Эти территории представляли также сферу геополитических интересов Румынии, Венгрии, Польши, Украинской Народной Республики (УНР), Западно-Украинской Республики (ЗУНР), что создавало для этих национальностей проблему выбора государственной принадлежности. Буковина являлась важным фактором на пути осуществления концепции «Великой Румынии» на основе расширения границ за счет сопредельных территорий под лозунгом борьбы за национальное объединение (Баринов, Стрелков 2012: 35–37). Одновременно обострилось украинско-румынское противостояние. В 1918 г. (3 ноября) в Черновцах прошло вече русинов-украинцев северной части части Буковины, на котором было принято решение о государственно-территориальном устройстве украинских земель края и провозглашена верховная власть ЗУНР во Львове над этой территорией. В ответ активизировались действия Ру-

мынии, которая оккупировала Буковину. После проведения Конгресса Буковины (28 ноября) румынское правительство 18 декабря издало «закон-декрет» о «воссоединении» Буковины с Румынией, который был утвержден королем 31 декабря (Виднянский 2012: 28–30).

В отношении пленных антибольшевистские правительства практиковали тот же этнодифференцирующий подход, проводившийся российским властями до революционных событий 1917 г. В этих целях военнопленные славянского и романского происхождения сосредоточивались в особых национальных лагерях с правом поступления в национальные воинские части. В соответствии с принятым 29 июля 1918 г. Постановлением Временного Сибирского правительства военнопленные мадьяры и немцы подлежали обязательной изоляции в особых лагерях, разворачивавшихся в городах. Прочие пленные, прежде всего славянского происхождения, размещались по деревням и станицам, что значительно облегчало их жизнь хотя бы потому, что прокормиться в сельской местности было гораздо проще. Помимо того, в конце сентября 1918 г. была запрещена отправка всех пленных славян на принудительные работы (Суржикова 2011: 138–139).

22 октября 1918 г. Верховный главнокомандующий генерал В.Г. Болдырев подписал приказ № 17, который предписывал сосредоточить пленных славянского и романского происхождения «в особых национальных лагерях, предоставив им возможность поступать добровольцами в свои национальные армии. Из военнопленных славянского и романского происхождения, которые не изъявляют желания поступать добровольцами, сформировать особые рабочие роты. Военнопленных немцев, мадьяр, турок и других национальностей вражеской ориентации» надлежало «сосредоточить в концентрационных лагерях» (Суржикова 2013: 80–81). Лагерь в Омске предназначался для чехословаков и карпаторусов, Новониколаевск – для поляков, Томск – для югославян, итальянцев и эльзасцев, Славгород – для украинцев, Иркутск – для чехословаков (Временное 2010: 175).

Однако национальные организации, имея право только на агитацию в лагерях, оказание «своим» военнопленным материальной помощи и формирование национальных воинских частей, брали на себя более широкие консульские функции представительства интересов своей национальности, включая в эту сферу не только военнопленных, но и беженцев, и крестьян-переселенцев (Суржикова 2013: 82). Все это с неизбежностью влекло за собой возникновение конфликтов среди пленных в силу различий в их политической и национально-государственной ориентации и национальной идентификации.

Шла борьба за право представлять интересы уроженцев Прикарпатской Руси в Сибири между Центральным Карпаторусским

советом (ЦКС), который ориентировался на Россию и поэтому подерживался колчаковской администрацией, и омским отделением Галицко-Буковинского комитета помощи жертвам войны (далее – Галицко-Буковинский комитет), который был создан летом 1917 г. в Киеве с целью оказания помощи пленным из Галичины и Буковины, включая формирование из их среды Галицко-Буковинского куреня (сечевых стрельцов)³. При комитете при поддержке Украинской Рады в Нью-Йорке было создано бюро, силами которого было образовано 13 филиалов комитета в Центральной России в Сибири (Хома 2014: 44), в т. ч. в Омске.

Центральный Карпаторусский совет был образован в октябре 1918 г. на съезде в Челябинске, чтобы представлять интересы населения Прикарпатской Руси – Буковины, Галичины, Угорской Руси. Важнейшими задачами в резолюциях съезда назывались борьба за освобождение от «австрийского ига» и воссоединение с русским государством этих территорий, «заселенных русским народом», защита «единой неделимой России». Одновременно подчеркивалось, что «создание отдельного украинского государства» станет «гибельным как для малороссов, так и великороссов», и что только «в пределах одного государства с предоставлением населению широкой областной автономии» будет «обеспечено правильное развитие всего русского народа, как великороссов, так и белоруссов, и малороссов» (Нам, Наумова 2014: 156–158).

Месяцем позже, в ноябре 1918 г., в Челябинске состоялся съезд представителей «румын, уроженцев Буковины и Баната», где было принято решение считать Буковину частью Румынии (ГАРФ 3: 25; А. К. 1919). Такие решения противоречили стратегическим задачам Российского правительства, вызывали противодействие и со стороны Карпаторусского совета, настаивавшего на своем «исключительном праве» представлять интересы уроженцев Прикарпатской Руси на территории, освобожденной от большевиков.

Информируя колчаковскую администрацию, ЦКС аргументировал свою позицию украинофильским составом Галицко-Буковинского комитета, в который входят преимущественно «те из военнопленных, которые... являются горячими сторонниками отделения Украины от России», а также тем, что он «предлагает помощь только тем уроженцам Прикарпатской Руси, которые разделяют их политическую программу, снабжает их удостоверениями, предъявители которых получают пособие от австро-венгерского правительства», хотя Австро-Венгрия прекратила свое существование. Особо подчеркивалось, что «освобожденные военнопленные ведут пропаганду отделения Украины от России среди населения Сибири» (ГАРФ 2: 4–4 об.).

Указывалось на связь Галицко-Буковинского комитета, «раскинувшего свои отделения по всей России», с украинскими национальными организациями – громадами, в т. ч. с Головной украинской радой в Омске, которая была создана на II Всесибирском съезде в августе 1918 г.⁴ Постановление съезда добиваться от Временного Сибирского правительства и Комуча «признания государственной самостоятельности Украины, провозглашенной IV Универсалом» в январе 1918 г. расценивалось как «стремление разделить Россию и русский народ». И, как на «главную причину» недоверия к Галицко-Буковинскому комитету, указывалось на то, что в съезде принимали участие военнопленные украинцы из Галичины, а один из них, Чернецкий, «был избран делегатом на конференцию национальностей» (ГАРФ 2: 4 об.). Обращалось внимание властей на то, что исполнительный комитет Украинской рады в Омске занимается выдачей регистрационных документов и, в частности, выдал удостоверения на право вести переговоры с российскими властями и представителями союзных органов по вопросам организации украинских воинских частей в Сибири. Это послужило поводом для установления слежки за деятельностью данной организации. Однако колчаковской контрразведке ничего предосудительного в деятельности Рады выявить не удалось (РГВА: 18–19).

Карпаторусский совет обратил внимание МИД колчаковского правительства на взаимоотношения военнопленных «галичан-украинцев» (сторонников самостийнического движения) и Алтайской губернской рады, которая ходатайствовала об их освобождении из концентрационного лагеря. Эта группа военнопленных осуществляла культурно-просветительную работу среди украинских беженцев из Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерний, которая, по мнению совета, вела «тайную агитацию в пользу украинской самостийности». Указано было на то обстоятельство, что министерство, исходя из того, «что украинский вопрос есть вопрос внутренней политики России», рекомендовало Министерству внутренних дел тщательное наблюдение за деятельностью конкретных лиц, которые являлись «ближайшими руководителями председателя» Рады (ГАРФ 1: 39, 39 об.).

На основании сведений, поступивших от «дружественных» организаций карпаторусов, что члены этой организации из числа военнопленных ведут среди малороссов-беженцев под видом культурно-просветительной деятельности «тайную агитацию в пользу украинской самостийности», начальнику Алтайского губернского управления гособороны было поручено установить наблюдение за деятельностью Алтайской губернской украинской рады (РГВА: 18–19).

В конечном итоге практически все структуры колчаковской администрации – МВД, МИД, Генеральный штаб, Департамент общих дел – высказались в поддержку Центрального Карпаторусского совета. Его деятельность характеризовалась как «вполне соответствующая делу объединения России», а его председатель д-р А.В. Копыстьянский, «энергично работающий в этом направлении», «заслуживает полного доверия».

30 мая 1919 г. департамент общих дел МВД отправил в редакцию газеты «Правительственный вестник» копии постановлений о прекращении деятельности Галицко-Буковинского комитета и признании недействительными удостоверений, выданных им. Центральному Карпаторусскому комитету предоставлялось «исключительное право выдавать удостоверения и производить регистрацию уроженцев Прикарпатской Руси» (ГАРФ 2: 20).

Карпаторусский совет прилагал множество усилий для того, чтобы оставить только за собой работу с военнопленными (агитация, оказание материальной помощи «своим» пленным, формирование добровольческих частей, выдача удостоверений), что влекло за собой конфликты между карпатороссами и украинцами внутри лагерей. Особенно крупный конфликт развернулся в лагере № 2 в Омске, где содержались австрийские подданные – поляки, сербы, хорваты, румыны, итальянцы, чехи, словаки и русины (РГВА: 10), и где комендантом был назначен представитель ЦКС поручик Коценко, «глубоко преданный идее объединения России и неприязненно относившийся к сепаратному дроблению России» (РГВА: 10 об.). Это решение означало «верховенство карпатороссов-русофилов над пленными других национальностей в лагере». Дошло до того, что Коценко потребовал от содержащихся в лагере пленных записываться в карпатороссы. Тем, кто не захотел это сделать, было отказано в отпуске на сельскохозяйственные работы. Это вызвало противодействие содержащихся в лагере пленных украинцев, которые потребовали освободить их от власти Карпаторусского совета, как говорилось в ходатайстве, «в интересах хороших отношений между русскими и украинцами». «Мы, украинцы, – говорилось в ходатайстве, – считаем карпаторусов изменниками и ренегатами украинского народа, они это прекрасно знают и потому делают все возможное, чтобы взять здесь над нами верх, чтобы здесь сводить с нами счеты свои партийные и мстить нам за свое политическое поражение на родине, чтобы здесь наше положение сделать невыносимым» (Суржикова 2013: 82–83; Суржикова 2014: 242).

Таким образом, проводившаяся в годы Первой мировой войны российскими властями, а следом и антибольшевистскими сибир-

скими правительствами политика «этнизации» плена и разделения военнопленных на «враждебные» и «дружественные» (последние рассматривались как союзники в борьбе с большевизмом) имела своим результатом поляризацию и раскол в их рядах. Русская «национальная политика» в отношении пленных добавляла много хлопот русскому командованию в тылу и не соответствовала законам войны. Отбор и вербовка добровольцев на национальной основе среди австрийских пленных в России приводили к поляризации пленных (Нахтигаль 2014: 148–149, 152) и серьезно ослабляли общую направленность достижения их стратегической цели – воссоздания единой и неделимой России. Противоречивость этой политики рельефно отразилась в ее несовместимости с центральным идеологическим постулатом «целокупной» России правительства А.В. Колчака, что нашло отражение, в частности, в безоговорочной поддержке одних (Центрального Карпаторусского совета) и в недоверии, вплоть до запрета их деятельности, к другим (Галицко-Буковинскому комитету и украинским национальным организациям в Сибири).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буковина – историческое название территории, расположенной между средним течением Днестра и главным Карпатским хребтом в долинах верхнего течения Прута и Серета. Во время Первой мировой войны Буковину несколько раз занимали русские войска. На ее территории была создана Черновицкая губерния в составе Галицийского (Галицко-Буковинского) генерал-губернаторства. После распада Австро-Венгрии в 1918 г. данная территория вошла в состав Румынского королевства (Суляк 1919: 281–282). Население Буковины было полиэтническим. Согласно переписи 1910 г., на территории Буковины проживали 305 101 русинов, 273 254 румына. От этих самых больших национальных групп края, которые через свои политические представительства заявили о праве управления им, зависела его судьба (Виднянский 2012: 24).

2. Карпатские русины – крайняя юго-западная часть обширной восточнославянской этноязыковой общности, населяющая южные и северные склоны Карпат, которая получила историческое название «Карпатская Русь». Находясь в составе Австро-Венгерской империи до 1918 г., русины были разделены между австрийской частью империи Габсбургов (Галиция и Буковина) и ее венгерской частью (Угорская Русь). Национальная идентичность карпатских русинов (галицких, угорских, буковинских), сформировавшаяся в XIX в., основывалась на идее принадлежности карпаторусов к единому русскому

племени от Карпат до Тихого океана (Шевченко 2010: 71). Русскому движению противостояло культурно-политическое движение украинофилов, которые видели будущее Восточной Галиции в единстве всех украинских земель от Карпат до Дона и ориентировались на поддержку австрийских правящих кругов в борьбе против господства польского элемента в социально-экономической сфере. К концу XIX в. относится появление термина «украинец», первоначально имевшего политический характер и отождествлявшегося с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства и русской государственности и поэтому отвергавшегося русским (русинским) населением края (Савченко 1996: 96–97).

3. Галицко-Буковинский комитет помощи жертвам войны был создан летом 1917 г. в Киеве. Он занимался организацией помощи пленным и беженцам из Галичины и Буковины. Кроме того, им был сформирован «Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов» – легионерская организация, состоявшая из галицких, буковинских и венгерских русинов, позднее переименованная в «Первый курень сечевых стрельцов». Пополнение происходило в основном из бывших офицеров и солдат Украинских сечевых стрельцов австро-венгерской армии, попавших в русский плен. Курень сыграл решающую роль в антигетманском восстании (Хома 2014; Карабин 2018: 37–38).

4. В условиях гражданской войны в Сибири среди украинского населения (преимущественно это были переселенцы-крестьяне) проявилась тенденция к созданию украинской культурно-национальной автономии в Сибири и на Дальнем Востоке. В местах расселения украинцев усилиями активистов сформировалась разветвленная сеть украинских организаций – «громад» (уездных, губернских, окружных, городских). Логическим развитием этого процесса стал созыв двух сибирских и четырех дальневосточных украинских съездов в 1917–1918 гг., на которых были созданы руководящие органы – Главная украинская рада Сибири в Омске и Дальневосточная краевая украинская рада, установившие связь с Центральной радой в Киеве. В условиях колчаковщины деятельность этих организаций была затруднена (Нам 2009: 157–162, 244–245, 433).

ЛИТЕРАТУРА

А. К. 2019 – А. К. Буковинская Русь и Румыния // Карпаторусское слово. № 2. Баринов, Стрелков 2012 – *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской конференции 1919 г. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 35–48.

Виднянский 2012 – *Виднянский С.* Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включение в состав Румынского королевства и румынизация автохтонного украинского населения края // Русин. 2012. № 2 (28). С. 23–34.

Временное 2010 – Временное Всероссийское правительство (23 октября – 18 ноября 1918 года). Сборник документ и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) Ф. 147. Оп. 10. Д. 43. Переписка с управляющими областями и губерниями о работе американского общества «Союз христианской молодежи», о съездах и совещаниях профсоюзов и кредитных товариществ, о производстве дознаний и следствий по делам отдельных групп и лиц, настроенных против правительства Колчака. 28 февраля – 15 октября 1919.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. 148. Оп. 5. Д. 78. Переписка Карпаторусского совета об организации добровольческих полков, о регистрации всех военнопленных, о действиях Украинского Центрального Галицкого комитета. 1919 г.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным Карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторусов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 октября – 25 июня 1919 г.

Еремин 2007а – *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.

Еремин 2007б – *Еремин И.А.* Из истории формирования положительного имиджа России среди размещенных в Западной Сибири австро-венгерских военнопленных славянского происхождения в период Первой мировой войны. URL: http://ashpi.asu.ru/talks/th5_2007/th501/ermn.html (дата обращения: 15.06.2019).

Карабин 2018 – *Карабин А.Ю.* Деятельность добровольческих подразделений военнопленных на просторах Российской империи в 1914–1919 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 3. С. 31–44.

РГВА – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40218. Оп. 1. Д. 119. Доклад № 13 штаб-офицера для поручений при начальнике контрразведывательного отдела и военного контроля Управления второго генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандования. 19 июля 1919 г.

Нам 2009 – *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

Нам, Наумова 2014 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в

Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11

Нахтигаль 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 147–156.

Савченко 2002 – *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 гг. // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 76–89.

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Суржикова 2011 – *Суржикова Н.В.* Этничность и вера в практиках Российского плена 1914–1919 годов. По материалам Уральского региона // Россия XXI. 2011. № 5. С. 116–139.

Суржикова 2013 – *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны на занятых белыми территориях Урала и Сибири в 1918–1919 гг. // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2013. № 4 (46). С. 79–90.

Суржикова 2014 – *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 440 с.

Хома 2014 – *Хома И.* Галицько-Буковинський комітет допомоги жертвам Першої світової війни: створення та основні засади діяльності // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. 2014. № 3 (121). С. 43–45.

Шевченко 2010 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.

REFERENCES

A.K. (2019) *Bukovinskaya Rus' i Rumyniya [Bukovinian Rus and Romania]. Karpatorusskoe slovo*. 2.

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) The future of Bukovina in the context of Russian, Ukrainian, and Romanian proposals at the Paris Peace Conference of 1919. *Rusin*. 2(28). pp. 35–48 (in Russian).

Vidnyansky, S. (2012) The processes of national selfdetermination in Bukovina in 1918, its annexation into the structure of the Rumanian Kingdom and the Rumanization of the indigenous population of the land. *Rusin*. 2(28). pp. 23–34 (in Russian).

Shishkin, V.I. (ed.) (2010) *Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (23 oktyabrya – 18 noyabrya 1918 goda). Sbornik dokumentov i materialov [Provisional All-Russian Government (October 23 – November 18, 1918). Collection of documents and materials]*. Novosibirsk: [s.n.].

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 10. File 43.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 148. List 5. File 78.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

Eremin, I.A. (2007a) Army prisoners of the First World War in the Western Siberia. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesur-*

sov – *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 310(1). pp. 259–263 (in Russian).

Eremin, I.A. (2007b) *Iz istorii formirovaniya polozhitel'nogo imidzha Rossii sredi razmeshchennykh v Zapadnoy Sibiri avstro-vengerskikh voennoplennyykh slavyanskogo proiskhozhdeniya v period Pervoy mirovoy voyny* [From the history of the formation of a positive image of Russia among Austro-Hungarian prisoners of war of Slavic origin in Western Siberia during World War I]. [Online] Available from: http://ashpi.asu.ru/talks/th5_2007/th501/ermn.html (Accessed: 15th June 2019).

Sibirskaya zhizn'. (1919) Iz gazet [From newspapers]. 23rd July.

Russkaya armiya. (1919) K svedeniyu urozhentsev Prikarpat'skoy Rusi (Galits'koy, Bukovinskoy i Ugors'koy Rusi) [Attention to the natives of Carpathian Rus (Galician, Bukovinian and Ugrian Rus)]. 12th July.

Karabin, A.Yu. (2018) Activities of war prisoners voluntary units in all of the Russian Empire in 1914–1919. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Journal of the Belarusian State University. History*. 3. pp. 31–44 (in Russian).

The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 40218. List 1. File 119.

Karpatorusskoe slovo. (1919) Rezolyutsii s'ezda [The Congress resolutions]. 1.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)*. [Ethnic minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpathoross Reunions in Siberia during the years of the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–166 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

Nachtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 147–156. DOI: 10.15826/qr.2014.1.028

Savchenko, V.N. (2002) *Natsional'no-politicheskie otnosheniya v Vostochnoy Galitsii i Bukovine. 1910–1911 gg.* [National-political relations in Eastern Galicia and Bukovina. 1910–1911]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 76–89 (in Russian).

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Surzhikova, N.V. (2011) Ethnicity and Faith in the Practices of Russian Captivity in 1914–1919 (on materials of the Ural Region). *Rossiya XXI – Russia XXI*. 5. pp. 116–139 (in Russian).

Surzhikova, N.V. (2013) Prisoners of World War I in the territories of the Urals and Siberia occupied by the Whites in 1918–1919. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 4(46). pp. 79–90 (in Russian).

Surzhikova, N.V. (2014) *Voennyy plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in the Russian provinces (1914–1922)]. Moscow: ROSSPEN.

Talapin, A.N. (2013) Prisoners of World War I in Siberia during the Civil War and Repatriation. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 81–83 (in Russian).

Khoma, I. (2014) Galits'ko-Bukovinskiy komitet dopomogi zhertvam pershoi svitovoi viyni: stvorenniya ta osnovni zasady diyal'nosti [Galician-Bukovinian Committee of Assisting War Victims: Formation and Basic Principles of Acti-

vity]. *Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka*. 3(121). pp. 43–45.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Нам Ираида Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Iraida V. Nam – Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Natalia I. Naumova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Valentina I. Zinovieva – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru